

Меч, рассекающий листья

16+

Дмитрий Ефремов

Дмитрий Ефремов

Меч, рассекающий листья

«Автор»

2012

Ефремов Д. Г.

Меч, рассекающий листья / Д. Г. Ефремов — «Автор», 2012

Из-за долгов перед ворами в законе, двое молодых людей замышляют украсть из музея старинный самурайский меч, который попадает в поле зрения не только местных бандитов, но и японцев, работающих в посольстве. Непредсказуемую развязку вносит красивая молодая женщина – сотрудница музея.

© Ефремов Д. Г., 2012

© Автор, 2012

Меч, рассекающий листья.

Кавадзи был один и размышлял о прошедшем визите русских. Перед глазами чередой проплывали картины минувшего события. Заново переживая их, он то и дело тяжело вздыхал. Эти картины говорили ему, что старому времени приходил конец. Это понимал не только он, специально уполномоченный решить это непростое дело. Это понимали и в Эдо, и в других городах Японии. Даже крестьяне и простые рыбаки понимали, что грядут изменения. Осознать мысль, что многовековое затворничество уйдёт в прошлое, было страшно, но вместе с волнением и страхом душа Кавадзи испытывала некое особое вдохновение, поскольку именно он, Кавадзи-сойе-мон-но-дзио-сама, был главной исполняющей и руководящей фигурой всего спектакля. Конечно же, это был спектакль, и русские, далеко не слепые и не глупые люди, видели и терпели всю вынужденность и обязательность прошедших мероприятий. Им надо было отдать должное за упрямство, а порой, неуступчивость в стремлении к намеченной цели. Но как изобретательны порой и терпеливы были эти русские! И неизвестно, кто кого водил за нос все эти три долгих месяца, пока красавцы фрегаты гостей стояли на рейде, приводя в ужас местных рыбаков. И всё это время японцы терпеливо ждали и надеялись на то, что русские уберутся туда, откуда пришли, и в то же время боялись, что это произойдёт. Но русские не только не ушли. Они расположили к себе всех, с кем вступали в контакт: баниосов, губернаторов, переводчиков, которые, разве что только не ночевали на фрегатах. Что уж говорить о простых рыбаках.

Это была уже вторая миссия русских к берегам Японии. Кавадзи не мог понять, как Россия, далёкая, как американский континент, в одночасье сделалась соседом Японии, обжила Курильские острова и наладила отношение со всеми, кто жил на этих островах. И теперь на правах полноправного соседа стучалась в гости со своими подарками и запросами. Япония долго закрывала на это глаза, наивно полагая, что это ненадолго. Но всё оказалось совсем не так, а посему отказывать соседу в тех соглашениях, которые русские желали заключить, было просто нелепо. «Но что последует дальше за всем этим? Как в народной поговорке: налей соседскому коту молока, он будет приходить каждый день». Американцы, англичане, голландцы... Их корабли годами стояли у берегов Японии и словно ждали удобного момента, чтобы войти в бухты и сойти на берег. А это означало конец всему: независимости, порядку, чистоте нравов. Слава богу, нравы японцев пока были чисты, и везде царили порядок и мир.

Русские не ушли, как в первый раз, они были готовы ко всему, и теперь, когда они добились своего и вынудили японское правительство подписать мирное соглашение, стало понятно, что незаметно всё станет изменяться. Хотя рано или поздно это всё равно произошло бы. Кавадзи с высоты своего социального положения это прекрасно понимал и лишь вздыхал от облегчения, а вместе с тем и осознания, что он всего лишь послушная фигура в сложной игре, исполнитель чужой воли, и, если что, то с него, как с простой пешки, спросят по всей строгости. Но он также знал, что большинство влиятельных удельных князей уже не видели не только причины, но и возможности оставлять всё по старому и отказывать русским, а те, кто не желал этого, несильно на этом настаивали. Быть может, все осознавали, что другого раза не будет, и если не русские, то другие придут уже не с предложением о мире, а требованием что-нибудь отдать или навязать, например, торговлю. Все, словно акулы возле большой незащищённой пойманной рыбы, были где-то рядом и ждали случая, чтобы вывалить из своих трюмов свой залежалый и ненужный у себя на родине товар, и тогда не надо уже никакой войны и цунами. Рухнет всё: и внутренний рынок, и политическое равновесие, и покорность народа.

За размышлениями Кавадзи не услышал, как постучали. Прибежал один из гокейносов, по имени Ёде, как всегда беззвучный, как змея. Войдя, он резко поклонился и доложил, что русские уже на своих кораблях, и там продолжают праздновать событие. У них к тому же был

новый год, а за ними ещё больший их праздник – рождество. Об этих праздниках Кавадзи был наслышан, понимая, что степень значимости прошедшего события для гостей удесят�ерялась. По-видимому, русские ликовали. Но ликовали не только они. Народ тоже был в восторге от гостей. От их гигантов – матросов, от ярких мундиров, салюта и грома пушек. «Всё это теперь, как легенда, годами будет передаваться, пусть даже шёпотом, но надолго». Пушки потрясли не только прибрежных чаек и простых крестьян, они потрясли всех. Это было самое ужасное, что довелось пережить Кавадзи за последнее время.

– Позови мне, пожалуйста, Кичибе. Кажется, русские к нему расположены больше чем к другим, – в раздумьях произнёс Кавадзи.

Ёда безмолвно поклонился и так же бесшумно исчез за створкой входа.

«Что Кичибе? Простая пешка. Маленький человек, но и он осознаёт значимость произошедшего события. Как бы он проголосовал, будь у него высокое положение? Как ни кланяйся, а глаза не спрячешь. Они выдают всё. А Кичибе был в восторге, да, как и все баниосы, будь они неладны. Столько месяцев общения с русскими. Этот Кичибе, кажется, готов плясать перед русскими за угощения, утратив всякие приличия. Даже стал понимать их язык. То же и остальные. Один Эйноске не подкупен и предан. Это старая гвардия».

Кичибе появился почти сразу, словно всё это время стоял за стенкой. Но его тяжёлое дыхание говорило о другом. Видно было, что он волновался и, как мог, сдерживал это волнение.

– Чем ты так напуган, Кичибе?

Кичибе ещё раз низко поклонился, но продолжал молчать.

– Расскажи ещё раз, как ведут себя русские у себя на фрегатах. Ведь ты был и на Диане? Видели лицо адмирала? Доволен он началом переговоров?

– Они всё время смеются, – смущённо заговорил чиновник.

– Как дети?

– Не смею признаться...

– Не бойся, Кичибе. Ты многое сделал для общего дела, поэтому можешь говорить смело о том, что видел.

Кавадзи умышленно перешёл на простую форму общения, ему хотелось узнать правду, а для этого он должен был расположить к себе мелкого чиновника, каким был Кичибе.

– Дети мы в их глазах. Мне кажется, что они даже жалеют нас, – почти шёпотом произнёс Кичибе.

– И поэтому они смеются? – изумился Кавадзи.

– Это смех снисхождения.

– И за что же нас, японцев, жалеть по-твоему? – стараясь не проявлять раздражения, спросил Кавадзи. – Ну, говори, не бойся.

– Господин... Я всего лишь слуга, и должен исполнять приказы начальства.

Кавадзи понял, что провести Кичибе не так просто, но он продолжал игру.

– А я думаю, что именно мы были снисходительными к ним. Ты так не думаешь?

– Я всего лишь переводчик. Разве я вправе высказывать такие мысли?

– Но ты ведь имеешь их, не правда ли?

– Как и любой человек, господин.

– И когда ты заметил, что русские к нам снисходительны? Я, например, этого не заметил. И Ёде не увидел этого. А он тоже был у русских много раз. Может тебе понравилась русские угощения? Поэтому ты такого мнения о русских. Ведь они дикари, разве не так?

Кичибе немного сжался, но лицо его по-прежнему светилось.

– Господин, русские угощали всех, не только меня. Никто не отказывался. Простите меня за мою дерзость, но это правда. Мы для них действительно, как дети. Я чувствую себя ребёнком рядом с русскими.

– А мне показалось, что они чересчур простоваты и доверчивы.

– Но только не адмирал.

– Да, согласен. Его не провести. А ты думал, что русский царь пошлёт дураков, вроде тебя для такого важного дела?

– Для такого дурака как я, и в Японии найдётся работа.

Кавадзи рассмеялся, но до него тут же дошло, что его подчинённый превзошёл все допустимые рамки дерзости. Он с удивлением посмотрел на подчинённого, пока тот в смущении не увёл глаза.

– Ладно. Не обижайтесь, Кичибе. Но в следующий раз думайте над своими шутками. Наверное, вы у русских научились. Мне больно смотреть, как гокейносы походили с ума и потеряли все приличия с этими русскими. Когда они возвращаются с фрегатов, то их пошатывает, а их рукава набиты доверху едой, словно они не ели целую неделю. – Кавадзи вдруг осёкся, вспомнив, как и сам на приёме у русских завернул в бумагу какое-то лакомство. Ему хотелось угостить своих слуг, но всё равно выходило, что все они действительно выглядели, как дети.

... – А кого бы ты предпочёл в друзья, голландцев или русских? Ты ведь голландцев знаешь лучше других. Недаром ты выучил их язык.

– Дружба с любым человеком хороша. Но за целое государство я говорить не могу. Об этом может думать один микадо, господин. Но, если честно, мне по душе их песни.

Возникла пауза.

– Значит, русские тебе больше нравятся... Что же ты замолчал? Ведь не я каждый день сидел в русских кают-компаниях. И не я облазил все трюмы на фрегатах. Из тебя может получиться отличный шпион, хотя ты обычный переводчик.

– С русскими легко. Они щедрые, а их матросы по-настоящему добрые. Я видел одного матроса, который легко приподнял целую свинью, что привезли им для еды. Корзину с фруктами несли три человека, а он один поднял её легко и понёс. С такими лучше не ссориться, господин.

– Это не тебе решать. Ступай и никому не говори о том, что видел у русских, иначе твоё место займёт кто-то другой.

Кичибе низко поклонился, и весь бледный от волнения, исчез за ширмой. Кавадзи в который раз тяжело вздохнул. Он чувствовал, что его нервы начинают сдавать, и ему стоило больших усилий, чтобы не нагрубить. Кичибе был открытым человеком и большим жизнелюбом. Такие никогда не выслуживались и не получали значимых должностей. Но таким, как Кичибе, они были не нужны, потому что они были рады тому, что у них есть. Кавадзи не мог такого позволить себе. Он должен был думать далеко вперёд, ведь у него была семья и дом в столице. Он вспомнил Эдо. Любая его оплошность могла стоить жизни всем его близким, а потому он завидовал простым людям, их открытости и простоте. Кавадзи нельзя было ошибаться, и, если что, то он окажется крайним. Ни Бунгоно, нынешний губернатор Нагасаки, ни Мизно-Никоно, приехавший на его место, они и пальцем не пошевелили без веления сверху. Хотя в этом-то и крылся залог порядка и послушания. Скоро фрегаты уйдут, и его работа закончится, но Кавадзи понимал, что с этого момента в делах с русским все будут посматривать в его сторону. С ним будут советоваться, а значит и спрашивать. И в этом ему было не обойтись без надёжного и опытного человека. Таким был Ёде, преданный и неподкупный, всегда молчаливый и внимательный. Ему в противовес подходил Кичибе, лёгкий на весёлую шутку, импульсивный, но с мгновенной реакцией и острым умом. Последняя его шутка в который раз это подтверждала. Именно поэтому Кавадзи делал всё, чтобы расположить к себе этих людей.

Четыре корабля стояли на рейде. О любом их движении молниеносно докладывали десятки наблюдателей. Для этого специально из столицы привезли подзорную трубу. Наблюдение за русским имело много полезных сторон. Их распорядок, взаимоотношения, управле-

ние такелажем – всё, что происходило на фрегатах, фиксировалось наблюдателями, а затем разбиралось на специальном совете. Они прошли половину мира, не зная страха и не обращая внимания на огромные затраты государственной казны. Их ничего не останавливало: ни штормы ни болезни. И всё лишь для одной цели – установления добрососедских отношений. Кавадзи вдруг увидел всю картину целиком. Увидел чью-то неумолимую волю и, как неизбежный финал минувшие события. Огромную Россию, ничтожную в сравнении с ней Японию и возникающие неизбежно отношения. Погружённый в свои мысли, он едва слышал стук. По этому стуку он догадался, что это Тутсуй. Старик выглядел уставшим, но глаза его светились, как и у Кичибе. Кавадзи поднялся и предложил гостю своё место.

– Вы уже поступаете как русские, – заметил старик. – У них, верно, при появлении старших принято вскакивать, как сторожевой пёс при виде хозяина.

Кавадзи рассмеялся, чувствуя смущение.

...– Я и над собой смеюсь, продолжил гость. – Никогда не испытывал к себе такого внимания, как сегодня, даже когда был у них на их огромном фрегате. Они даже позволили мне спуститься в трюм и осмотреть арсенал. Какая nepозволительная щедрость и открытость. Вы не находите?

– Не волнуйтесь. До вас там уже побывал Кичибе, так что вы не первый. С его слов я знаю устройство фрегата не хуже вашего. Мы для них не представляем опасности, поэтому они так снисходительны.

– И вам, значит, так показалось. Я уже старик, и мне не стыдно признаваться в своих слабостях. У меня такое чувство, что мы с вами для них самые большие друзья. Теперь я знаю, как можно потопить русский фрегат. Надо поджечь фитиль в их арсенале. Хотя вы правы. Воин – нинзя из меня уже некудышний. Моё место на праздниках, подобных этому. Ходить и объяснять гостям как скушать то или иною лакомство. А то люди сильно смущаются при виде чего-то незнакомого.

– Да, за чужим столом всегда руки мешают, и пачкаются рукава.

– И всё роняют, – по детски рассмеялся старик. – Мне крайне неловко, но с годами я всё больше осознаю, что такая роль мне к лицу. Вполне понимаю ваше состояние, ведь вы хозяин всего события, и вчера не сомкнули глаз. Это хорошо, что вы ещё молоды. В моём возрасте это уже вредно для сердца. Но и я почти всю ночь не спал. Размышлял. А зашёл побеспокоить вас я вот по какому поводу... Вы наверное знаете... В Эдо у меня был разговор с микадо. Он, как и мы, озабочен приходом русских. Трудно поверить, но он, кажется, предвидел их приход. Хотя труднее представить, что он мог и не произойти.

– Но как, позвольте, он мог знать, если он не выходит за пределы своего дворца, – изумился Кавадзи.

– Не забывайте, что он потомок великой Аматерасу, и никто не воспретит ему говорить с небом.

– Вы правы, конечно. Что же он вам сказал?

Старик ненадолго закрыл глаза, вероятно вспоминая свою беседу с микадо:

– Он сказал, что разбрасываться такими соседями нам нельзя. Если это будет враг, то он сплотит нас, а если друг, то поможет в трудную минуту. Вы же понимаете, что русские без нас проживут, и мы тоже без них проживём. Но вы же видели в других портах другие корабли. Англичан, голанцев... От всего этого не отмахнёшься простым веером.

– Я видел пушки русских. Их мундиры... Каждый их матрос стоит десятерых наших. Они не похожи на назойливых мух.

Тутсуй одобрительно кивнул в ответ на последние слова Кавадзи.

– А так же их отношения меж собой. Их женщины, судя по картинкам, не мажут себе зубы смолой. И кажется, это не выглядит смешным. Скорее наоборот. Нарабайоси подарили несколько листков с яркими рисунками. Я лишь мельком взглянул на них и смутился. Но он

доволен чрезмерно этими картинками, словно у него нет своих детей и жены. Если завтра его жена счистит смолу со своих зубов, то я не удивлюсь.

– Да, – вздохнул Кавадзи в который раз за вечер. – Наши нравы недолговечны.

– Вы, как всегда, правы, мой молодой коллега. Но дело не только в этом. Мы, японцы, думали, что, сидя в клетке, можно быть в безопасности, отгоняя от неё непрошенных гостей. Но это не выход, потому что нас перестали замечать в ней. Пока мы в ней сидели, все научились большему: ходить по океану, делать огнестрельное оружие или вот эти часы, что я вижу у вас на столике.

Кавадзи смутился при упоминании подарка русских, но старик махнул рукой:

– Не смущайтесь. Вы ещё молоды, и вам к лицу такой подарок. То, что я говорю, к сожалению, правда. Я думал, что только в Японии умеют делать настоящие сабли. И я опять ошибся. Их умеют делать и другие.

– Вероятно, у кузнеца Амакуни было много братьев, – вздыхая пошутил Кавадзи. От этой шутки они оба рассмеялись и, не сговариваясь, посмотрели на стенку, где находились клинки для церемоний.

...– Может, вы напрасно переживаете так сильно. Ведь мы сохраняли традиции, а это чего-то стоит, ведь они достались нам от богов.

– Верно. Но если традиции чего-то стоят, то трудности их только укрепят. Я видел, как русские уважительны, а мы всё время принимали их за дикарей. Разве нет? Не думаю, что дикари умеют так притворяться. Как они чтят свою богородицу! Наблюдатели докладывали, что на их кораблях регулярно проходит молебен, во время которого все преисполнены большого почтения. Мне кажется, что эта их святыня ни чем не отличается от нашей. Не считите мои слова как святотатство. Ведь не думаете же вы, что бог будет выбирать между нами и русскими или ещё кем-то. Для него мы все простые и смертные люди, и тогда почему у него должно быть непременно лицо, как у японца или русского. Бог просто бог, со всей его любовью к людям. Чем же, по-вашему, должны отличаться от нас русские? Тем, что на коленях друг перед другом не ползают? Думаю, что это не та традиция, за которую надо держаться обеими руками и тем более сидеть в клетке. Мы должны быть им благодарны за этот визит, и я видел, как они не скрывали своей радости от свершившегося. Вам есть что привезти в Эдо. Я не говорю о подарках.

– Спасибо, дорогой Тутсуй. Ваши слова сняли с меня большой груз.

– Не стоит того. Я всё думаю, чем мы можем достойно ответить на их щедрость? Мы ведь не бедные соседи, иначе они с нами не стали бы разговаривать. Конечно, шкатулки наших мастеров в большой цене у них в Европе, но такие же можно купить и в Китае. А русские, как известно, плавают где пожелает их душа. Вы слышали такие слова? Их сказал какой-то очень древний мудрец. И это правда. В противном случае мы бы о них ничего не знали. И не знали бы ничего о том, что у русских есть целая армия воинов, подобных нашим самураям.

– Вы говорите о казаках?

– Да. Если бы у нас были такие самураи, то не американцы ошивались бы у наших берегов, а наоборот. Но это я так. Пошутил.

– Вы правы. Русских ничем не удивишь. Гокейносы говорят, что нашими подарками заставлена вся их палуба. Им некуда складывать коробки, потому что их трюмы забиты своим товаром.

– Это нам урок за нашу медлительность и порядки. Откупаться перед гостями, вместо того чтобы принять их сразу.

– Но что мы могли сделать? Ведь русские грозились уйти совсем.

– Не ушли бы, дорогой Кавадзи. Не забывайте, что они прошли полземли специально для этого. Надо было...

Старик смолк ненадолго, а потом улыбнулся, да так искренно, что Кавадзи ощутил теплоту этой улыбки сердцем.

...– Всё, что необходимо, было сделано. Микадо прав. Нам такой сосед необходим. С кем поведёшься, от того и наберёшься. Между прочим, эту поговорку я услышал от русских. Мне её рассказал их секретарь Гончаров. Я поинтересовался о его фамилии, и он откровенно рассмеялся и сказал, что, вероятно, его предки обжигали горшки. Они такие же люди, как и мы, вот что я вам скажу. И общение с ними заставит нас шевелиться, а японцам по-другому не выжить. Кстати, вы обратили внимание на то, что они не забыли даже тех, кто возил для них воду на корабли. Даже тем досталось по цветному халату и какой-нибудь безделице.

– У русских бездонные трюмы, – заметил Кавадзи.

– Они не скупаются не потому.

Старик подошёл к невысокому столику, на котором стояли подаренные Кавадзи часы. Их корпус был сделан из зелёного камня, отчего поверхность казалась глубокой, как вода, покрывавшая водоросли. Он осторожно погладил их и вздохнул. – Какая удивительная работа, не правда ли?

Рядом стояли не менее красивые стеклянные вазы, изрезанные затейливыми узорами. Прикосновение к ним вызвало долгий и нежный звук, наполнивший всю комнату.

...– Эти вещи выполнены большими мастерами, и в России их, наверное, немало.

Кавадзи в знак согласия низко поклонился, словно признавая за собой вину за эти подарки. За то, что именно ему, а не Тутсую, они достались от русских. Но ему было приятно и радостно осознавать, что эти вещи будут радовать его взгляд и украшать его дом. В то же время он чувствовал неловкость, ведь он был всего лишь чиновником, выполнявшим чью-то волю. Там же, в сознании зародилась мысль, что, соглашаясь на что-то новое, ему придется неизбежно забыть что-то привычное, старое.

– Не переживайте, дорогой Кавадзи. Мне они тоже сделали царский подарок. И это за то, что я объяснял им, как нужно есть рисовые шарики. И я тоже, как и вы, не знаю, что с ним делать. Но испытываю не меньше радости, чем вы. Мы все большие дети, и русские от нас мало чем отличаются. Нам всем свойственна радость и восторг от всего нового.

Слова старика успокоили Кавадзи, словно бальзам.

...– Их визит – для всех нас испытание.

Взгляд старика остановился на той стене, где находились клинки.

...– Я слышал, что у вас очень редкий клинок. В молодости я тоже любил держать в руках оружие. Но мне больше нравилась алебарда. Сжимая её в руках, я всегда чувствовал прилив силы. Вы не против, если я вновь испытаю это чувство?

Кавадзи радостно кивнул.

...– Сразу видно настоящее оружие. Нынче ведь можно увидеть лишь Хосодати. Всех занимает пышность и украшения, как будто жизнь состоит из одних праздников и торжественных приёмов. А игрушки делать куда быстрее, да и цена в несколько раз меньше. Старые времена уходят безвозвратно. В последнее время всё труднее увидеть на улице работу настоящего мастера. В период покоя и тишины их всё меньше становится в Японии.

– Согласен с вами. Всех занимает блеск оружия, но не его надёжность и острота.

– Тутсуй долго не отрывал взгляда от клинка, изучая качество отделки ножен, словно пытался увидеть через них сам клинок. – Синто, время хороших копий, но мне эти мечи всё равно чем-то нравятся. Они радуют глаза. А время повелителей коленок уходит в прошлое, как мне кажется. А вы как думаете?

Старик улыбнулся, но в глазах его читалась тоска по старым временам.

– Вы это правильно заметили, особенно глядя на текущие события, – сказал Кавадзи.

– Но чей же это клинок? По всем признакам его сделали давно. Кто его мастер? Наверняка он известный. Попробую угадать хотя бы время.

Старик наполовину раскрыл клинок, ловя блеск лампы на изогнутой линии гладкой поверхности лезвия. – Почти прямая линия изгиба, а рукоятка, конечно же, имеет другую линию. Это решение очень выгодно в ближнем бою. Лезвие немного расширено, но тоньше обычного. Граница закалки едва различима. Такая закалка требует большого мастерства от кузнеца. Представляю его твёрдость. Неужели Камакура? И в таком прекрасном состоянии. Ни одной зазубрины. Видно, что этот клинок невероятно острый. А ножны, я полагаю, у него неродные.

– Вы, как всегда, правы. Ножны и рукоятку ему сделали специально. – Голос Кавадзи слегка дрогнул, отчего старик косо взглянул на собеседника и замер.

– Вы, наверное, пошутили? Ведь это противоречит установленным правилам. Я не помню такого случая, когда чужакам преподносили в подарок меч. Это шутка?

– Нисколько. Вы же понимаете, что такими вещами не шутят, к тому же я в таких делах ничего не решаю сам. У меня есть личное распоряжение сёгуна – подарить этот клинок самому адмиралу. Полагаю, что таким образом он вскоре окажется в руках у русского царя.

– И там ему не будет равных. Я правильно вас понял? А здесь он, конечно, не так заметен.

– Всё верно, мой дорогой Тутсуй.

– И всё же. Кто мастер этого бесподобного оружия?

– Это не секрет. Его ковал...

– Погодите. Попробую угадать без вашей помощи. Если это подарок царю, то его автором должен быть непременно Кавабэ Гихатино. Я не знаю в Эдо более известного мастера, чем этот монах. Его клинки даже при жизни имели огромную цену.

– Муромаси, – коротко перебил Кавадзи.

Услышав это имя, старик закрыл глаза и какое-то время не шевелился, словно не знал, чем ответить. Лицо его, до того источавшее доброту и спокойствие, изменилось. Оно словно уменьшилось под тяжестью морщин. Он медленно вложил клинок в ножны и поставил его на место, казалось бы, с ещё большей осторожностью, словно тот мог причинить ему какой-то вред. Долгое время он молчал, и всё ещё смотрел на клинок.

– Я слышал, что его клинки приносят несчастье. Даже не могу допустить мысли, что его можно кому-то дарить. Не могу представить, что он окажется в руках русского царя, – взволнованно произнёс старик.

Кавадзи несколько удивила, и даже развеселила реакция старика на имя мастера. Он понимал, что у всех старых людей обязательно найдётся какой-нибудь предрассудок, и старик Тутсуй не был исключением. Ему стало неловко за ситуацию, и он постарался сгладить её. К тому же Кавадзи понимал, что все решения, которые он выполнял, были даны согласно его более высокому происхождению, тогда как старик, с его опытом и дипломатическими способностями, был лишь вторым лицом. Это его нисколько не оскорбляло, но для Кавадзи было серьёзным испытанием. Если бы решение о подарке поручили Тутсую, то, наверняка привезли совсем другой клинок. И теперь, когда изменить ничего было нельзя, Кавадзи по-настоящему растерялся. Суеверность старика нашла место в глубине души первого уполномоченного в переговорах с русскими и заставила задуматься.

– Мне кажется, что эти легенды о хищных клинках Муромаси во многом преувеличены, – непринуждённо начал Кавадзи. – Поверьте, они не более опасны, чем мечи братьев Конэхиро. Вы что-нибудь слышали об этих мастерах?

– А... Мечи палачей. Конечно, слышал, – несколько рассеянно ответил Тутсуй. – Не хватало только их подарить русскому царю! – Старик всё ещё находился под впечатлением услышанной новости, продолжая держать глаза закрытыми, словно стыдясь видеть этот свет. Потом он всё же открыл глаза. – Конечно, это легенды. Но разве не благодаря легендам мы знаем о нашей великой Аматерасу? Легенды тем и хороши, что их невозможно придумать. Приукрасить – да, но не выдумать. В годы своей молодости я слышал историю о том, что таким

мечом сын Токугавы сделал себе харакири, а его племянник случайно порезал себе указательный палец. И тоже таким же мечом, и этот палец так и не зажил, и в конце концов его пришлось отрезать. Таким было лезвие. Вам разве неизвестно, что чем лезвие острее, тем дольше заживает рана. А мечи Муромаси рассекали листья. Их бросали на воду, и лезвие клинка рассекало листья на две части. И это совсем не легенда. Вы скажете, что это всего лишь результат правильной закалки? Думаю не только. Когда Муромаси ковал свои мечи, то на их полотно падали не только капли его пота, но и слюна с губ дьявола, что всё время стоял за спиной. Неужели вы не понимаете, что изготавливая подобную вещь, мастер разговаривает с богами. Могу представить, кому молился этот кузнец, выковывая такой клинок. За каждой его работой могли наблюдать с неба. Рассказывали, что когда он делал свои клинки, то в каждый удар вкладывал магические заклинания. Об этих словах даже думать нельзя, а он их произносил. Мне думается, что причина человеческих несчастий не только в их глупости, но и неугодности богам. Некоторые боги тоже могут наслаждаться человеческими несчастьями. А для этого они выбирают себе помощников среди смертных. Таких как Муромаси. Потом этот клинок уничтожили, как и многие другие. Хорошо, что Муромаси уже не было в живых. Думаю, что ему не поздоровилось бы, ведь Токугава умел мстить своим обидчикам. Он был большим мастером сводить счёты с теми, кто не угождал ему хотя бы раз. Да, Иясу Токугава... Вы должны знать, что в годы его правления даже хранить эти клинки запрещалось, не то что носить. Он видел в них прямую угрозу своему благополучию и покою. Но мечи Муромаси были так хороши, что многие самураи их прятали, несмотря на то, что за ослушание их могли сурово наказать. Зло всегда загадочно и привлекательно, а человек любопытен. В отличие от своего учителя Муромаси делал мечи, несущие смерть. Вот в чём беда.

Старик подошёл к стенке, взяв другой клинок, стоявший рядом. – Вы не представляете, какие несчастья могут принести вещи, сделанные с таким умыслом. Вы осознаёте свою ответственность, предлагая русским такой клинок? И что может последовать за всем этим? Я лично не представляю. Неужели у сёгуна не нашлось другого достойного клинка? Почему бы не подарить русским вот этот клинок? Тут и цуба богаче украшена, и литьё её очень тонкой работы. И металл, похоже, несколько не уступает в твёрдости. Поверьте, в руках он вызывает совершенно другие чувства. Кто его автор? Могу поспорить, что не Муромаси, – не скрывая удивления и восторга произнёс гость.

– Это мой личный меч. Мне его подарили. И, если бы не это обстоятельство, то я непременно так и поступил бы, дорогой мой Тутсуй.

– Вы, должно быть, лукавите, Кавадзи. Но ради бога, извините меня, старика, за мою откровенную глупость. Разве я осмелюсь поступать вопреки воли сёгуна? А такой меч достоин своего хозяина. Он стоит целого состояния. Я искренне рад за вас. У вас замечательный друг, если смог сделать вам такой подарок. Я знаю много людей в окружении сёгуна, мечтавших о таком клинке. Полагаю, вам многие завидуют.

– Ещё как! Поэтому и послали меня, надеясь, что я допущу какую-нибудь оплошность.

– Ну да. Что русские уйдут, а обвинят во всём, разумеется, вас. Мне такие фокусы известны. Вы справились блестяще, и об этом уже говорено, и скоро узнают в Эдо. Но как быть с подарком? Я не могу поверить, что сёгуну неизвестны истории, связанные с этими мечами. Поверьте, это не сказки. Но я вам ничего не говорил, а вы ничего не слышали.

– Хорошо, если бы и стены не слышали, – иронично заметил Кавадзи. – Я не могу изменить воли сёгуна, как и русские, веления своего царя. Хотя мне кажется, что у них в этом деле больше свободы. Будем надеяться, что наши гости не так суеверны как вы, и ничего не узнают вообще.

– Они, может, и не узнают, но богам-то известно всё. Разве я не прав?

– Значит, и это угодно богам, – невозмутимо ответил Кавадзи.

– Теперь я понимаю, почему назначили именно вас. Но не скажу, иначе вы обидитесь. Вы мне вот что скажите... Русские интересуются оружием? Вдруг они не оценят его по достоинству? Будет ужасно обидно, если они не заметят такой щедрый подарок.

– Ещё как интересуются. Вы бы видели, как они осматривали мой клинок.

– Вы мне так и не сказали, кто его сотворил. Надеюсь, вы осмотрели его хвостовик? Вы снимали рукоять.

– Мне сказали, что его сделал Масамуне.

– Я так и думал! Это действительно царский подарок. Подумать только, учитель и ученик рядом, но какие разные. Говорят, что мечи Масамуне необязательно было вынимать из ножен. В них такая сила, что присутствие уже только одного клинка приводит к порядку. Я слышал, что этот кузнец даже не ставил клейма на своих изделиях, словно его не интересовала слава.

– Он был скромным, это верно, – согласился Кавадзи, довольный тем, что его клинок вызвал такой восторг у старика. – Но если вы помните, Масамуне обслуживал сёгунов Минамото, а эти честолюбивые полунебожители не терпели, когда их личные вещи оскверняла надпись какого-то ремесленника.

– Вы знаете больше меня, – вздыхая признался Тутсуй. – Я, правда, ни на что не годен, кроме как прислуживать на знатных обедах. Ладно, давайте оставим эту тему и поговорим о том, как лучше преподнести наш главный подарок. Делайте со мной что хотите, но я не верю, что это клинок Муромаси. Пусть это будет кто угодно, но не он. Это мой старческий каприз. В конечном счёте русским всё равно. Поэтому, надо продумать всё до мелочей. Будет очень обидно, если русские в своей церемониальной суете не заметят его. Мне будет очень обидно, если к нему отнесутся хуже, чем я. Вы видели, что они мне подарили? Часы. Вот поглядите... Я боюсь расстаться с ними. В них есть даже измеритель температуры воздуха. Они показывают даже фазы луны. Это просто чудо какое-то! Пожалуй, за такой подарок я добавлю лично от себя к этому клинку какие-нибудь украшения. А то мне кажется, что ножны слишком уж просты. Вы не находите? Вероятно, их делали в спешке. Надо бы придать ему большей парадности, а момент вручения подарка растянуть как можно больше. Вот увидите, это усилит внимание гостей. Я знаю толк в том, как преподносить подобные подарки. Уж вы мне поверьте.

Кавадзи отметил, что волнения старика исчезли, и у него отлегло от сердца. Тема проклятого меча уже не так сильно волновала Кавадзи. Лицо старика опять излучало теплоту и спокойствие, и было притягательным, как магнит. Хотелось просто смотреть на это лицо, живое и отзывчивое, с глубокими лучистыми глазами и лёгкой улыбкой. В то же время мысли о подарке глубоко засели в сознании, и теперь ответственность за судьбу клинка Кавадзи чувствовал, как личную. Более того, ему вдруг показалось, что судьба русской флотилии тоже может зависеть от этого клинка, если, конечно, к словам Тутсуя относиться должным образом.

... – Вы как будто не слушали меня, Кавадзи? Может, вы не согласны со мной?

– Ну что вы, дорогой Тутсуй. Всё, что вы предлагаете, очень важно, и завтра мы постараемся не ударить лицом в грязь. Я вам этот обещаю.

1.

«У меня зазвонил телефон».

– Кто говорит? – про себя почему-то получилось – Слон. Как ни странно, в трубке послышалось знакомое сопение и его голос. – Что с твоим телефоном? – ещё не успев включиться в реальность, без эмоций спросил Панчик. На том конце «провода» что-то быстро заговорило. Как обычно, захлёб, Слон пытался донести какую-то информацию.

– Здорово, шеф. Это я, Слон. Тут дело на штуку баксов...

– Мы же договорились, без всяких шефов! – вскипел Панчик. – Ты уже достал меня своим плебейством.

– Ну ладно, Панчик, не шуми. Это само вылезло.

– Ну, и где ты пропадал? Опять в какой-нибудь аптеке отсиживался? Ты же знаешь, что нам нужны мани, а для этого надо смотаться в Берёзовку, и хорошо потрясти кое кого. Это как раз по твоей части. Потом на мебельную фабрику надо сгонять, после этого с комсомольской братвой встретится, и это тоже тебе. А у меня своих дел по горло, поэтому надо, чтобы кто-то, а это, скорее всего, ты, починил твоё ведро. И как можно скорее, потому что я не успеваю. По твоей милости на меня скоро наедут. А ты где-то пропадаешь с моей машиной, Слоняра несчастная? Ты лобовое стекло хотя бы поменял? И что с твоей мобилой? – завёлся Панчик, чувствуя, как голову начинает постепенно отпускать, словно Слон был экстрасенсом и снимал с него эту боль.

– Да погоди ты на меня наезжать! У меня даже голова заболела. Правда. Батарея в телефоне не фурычит. Заряду, а она не держит. Эта китайская дрянь и года не проработала, – начал оправдываться Слон.

– Не будешь ворованное на рынке с рук брать. Я тебе сто раз говорил об этом.

– Ну ты же сам сказал, пусть рассчитаются, чем могут.

– А... Это за шкуру рыси, что ли? А твоя башка с бивнями о чём думала? А если я тебя попрошу с моста прыгнуть? Они же тебе ещё что-то предлагали. Ладно. Прекратили. Не забудь потом номер удалить. А то мало ли что.

На том конце возникла заминка и знакомое сопение в трубку. Слон, как всегда, думал.

– Ну, ты даёшь! Твой телефон только моя прабабушка не знает.

– Короче! Ты когда появишься? Или мне самому за деньгами на птицефабрику на автобусе трястись? И вообще. Чего тебе надо в такую рань?

– Дак это... Почему звоню. Ты же всё время меня сбиваешь с мысли. Я же стрелку набил, угадай с кем? С Яковлевым.

– С Андроном?!

Панчик на мгновение задумался и даже, растерялся.

– И где же ты её набил? – едва сдерживая эмоции, спросил Панчик. Если Слон не шутил, то это была большая удача. Выцепить этого кренделя раньше, чем его закопают в землю бандиты, действительно было подарком, особенно для Андрюхи. Те, кому он должен был много денег, давно жаждали его крови. – Ну? Где твоя стрелка? Не тяни жилы.

– Ага! А наезжал на меня. В музей. Он в краеведческом музее будет через час или полтора.

– У вас что, детство заиграло в одном месте?

– А ты, наверное, хотел, чтобы в ресторане? – сорвался Слон.

– Ладно, ладно. Был неправ. Погорячился. Всё понял. Где тигры и всё такое прочее. Там? Я правильно понял вашу мысль?

– Давай, подкатывай.

– Ага. Сейчас. На троллейбус сяду, потом возьму билет...

Его не дослушали. Слон наверняка специально прервал разговор, когда речь зашла о транспорте. «Ну, Слоняра». Впрочем, на Слона за машину он не сердился. Ездил он аккуратно и мусор в салоне не оставлял. Слон даже не курил. «Интересно, Протас знает, что Андрон объявился в городе? На последней встрече ни словом не обмолвился». Панчик полистал телефонную книжку в поисках номера «дяди» Протаса, но потом сбросил вызов, решив, что сначала нужно разобраться самому. Да и не по-дружески выходило. Сразу стучать. А этот волчара, если встанет на след, своей добычи не бросит. И тогда от Андрюши останутся рожки да ножки.

Андрея пасли больше года, и вот он сам объявился, блудный сукин сын. Правда, с ним было интересно. Когда-то по молодости они отрывались, особенно когда дела шли в гору. Было весело и беззаботно от жизни. Видео салоны по всему городу, японская резина, двухкасетники, от которых у народа срывало бошки. На всём этом они поднялись до небес. Машины, кабаки,

тётки молодые, сауны... А потом фарт исчез, и начались серые будни, как у всех. А затем на хвост сели кагебешники, отняли все салоны, видюшники, кассеты. Вот тогда Андрейка загрустил. В добавок ко всему, от него ушла жена, забрала детей, а потом ещё и в Норвегию укатила. Было от чего впасть в отчаяние. Тут чёртики и полезли. Один из них, видать, и надоумил Андрейку поступить не «по-братски», присвоив себе чужое бабло. До пункта «б» с чемоданом денег он так и не доехал из пункта «а», и исчез в одночасье на целый год. И вот блудный сын вернулся с повинной, в надежде, что ему не оторвут эту повинную голову. Вряд ли кто-то откровенно желал его смерти, но содрать скальп для профилактики хотели многие.

В музее было тихо, кое-где бродили одинокие посетители, наверное, в поисках своего забытого детства. Но попадались и дети со своими родителями, и студенты, незаметно снимавшие на камеры предметы их исследований.

Панчик не стал идти к тиграм, чтобы не думать о грустном, а почему-то направился в новую пристройку и оказался в разделе войны с Японией. Слона, конечно же, там не оказалось, но зато была большая делегация туристов из Японии. Панчика несколько не удивило это обстоятельство. Их заинтересованные лица с натянутыми улыбками для него были привычной картиной. Гости тянули шеи, а кто-то даже старательно записывал на видеокамеру. Панчик стал внимательно разглядывать публику, выискивая молодых симпатичных японочек, но в основном были пожилые старушки. Их живой интерес можно было объяснить, поскольку события и экспонаты затрагивали историю их недавних предков. Сам же Панчик для себя ничего вокруг не видел. Ни Цусима, ни Порт Артур, ни КВЖД его уже не трогали, хотя где-то там ютилась его историческая родина. От происходящего было грустно на душе и хотелось зевать. Неожиданно его внимание привлекла хорошенькая переводчица – гид. Сначала он решил, что она тоже японка, но потом подумал, что откуда ей здесь взяться и так ориентироваться в чужом «зоопарке». После он догадался, что она всё-таки русская, а синдром похожести объясним хорошей мимикрией и профессионализмом. У неё были тёмные, почти чёрные волосы, очень длинные, заплетённые в роскошную косу, и совсем другая манера улыбаться, нежели у гостей. Захватывая краешком глаза всю свою аудиторию, она мельком взглянула и на него и, как ему показалось, улыбнулась и кивнула. Панчику сначала показалось, что она приняла его за своего, то есть за японца, что было совсем неудивительно. Потом у него возникло дежавю, что где-то он её уже видел. Лицо или голос, мягкий до мелодичного, где тоже слышалась её улыбка; этакая помесь японской болонки с восточносибирской лайкой. Он тоже кивнул, чтобы ненароком не обидеть знакомую незнакомку, на всякий случай, перебирая в памяти всех своих знакомых переводчиц с японского языка. Там таковых не оказалось вообще. Лицо женщины, или девушки, было своеобразным, небольшим и до жути японским, особенно когда она открывала свой аккуратный ротик. По-видимому, общение с японцами наложило на её внешность и характер особый отпечаток. Он и сам не понимал, как такое возможно, пока не испытал на собственной шкуре, первый и последний раз приехав на свою историческую Родину, в Южную Корею. Там его без труда вычислили как русского, ещё до того, как он успел открыть свой рот. Сначала это его повергло в шок, но потом он смирился и даже всячески старался это подчёркивать, что он русский, несмотря на то, что похож на китайца. При этом, что в гостях, что дома, он всё время ощущал себя лягушкой, прыгающей по наковальне. Что-то вроде – свой среди чужих. А где свой, и где чужие, ему давно было наплевать.

Он стал разглядывать экспонаты и остановил свой взгляд на японских саблях времён второй мировой войны. Судя по пояснительным запискам, это были сабли армейского образца, подписанные как Син-Гун-То. С классическими европейскими рукоятками и такими же традиционными, насколько он понимал, японскими лезвиями. Особенно выделялись формой их заточенные под жало концы. Ножны тоже были армейского образца, выполненные из металла.

«Порезвились узкоглазые в Манчжурии», – без злобы подумал Панчик, вспоминая отрывок из какого-то дальневосточного боевика времён второй мировой войны.

– Где тебя черти носят? Мы уже час целый выискиваем тебя по музею. Смотри, Паныч, кого я привёл.

Рядом с массивным Слоном, всегда розовым и довольным жизнью, стоял тощий и серый, как силикатный кирпич, его старинный друг-трупиче Андрюха Яковлев.

– Ну здорово, кидала Питерский! Наслышан о твоих похождениях.

– Не меняешься, братишка, – улыбаясь, ответил Андрей, обхватив Панчика своими длинными и костлявыми руками. В них по-прежнему чувствовалась сила и цепкость. Андрей почему-то сразу расположил к себе Панчика, и у того вдруг исчезла всякая обида на его проделки.

– Ты не лучше, – ответил Панчик, внимательно осматривая своего давнего друга. Ему надо было выяснить, что этот друг собирается делать, чтобы действительно не превратиться в труп. Положение его было незавидным, и единственное, что облегчало это положение, его пустые карманы. Вытряхивать из них было нечего, даже если подвесить за ноги. Ни флага, ни Родины. Чемодан чужих денег был промотан бездарно, Питер и Москва его не поняли как гениальную личность, а те, кто знал его в Хабаровске, или держались подальше, чтобы в очередной раз не дать займы, или искали, чтобы этот долг вытрясти. Но Андрей был такой паршивой овцой, с которой даже клочок шерсти, было делом нереальным. Чтобы понять это, достаточно было бросить один взгляд на его сутулую тощую фигуру, одетую в старый свитер и поношенные джинсы, и сухое скуластое лицо.

– Не жарко? – спросил Панчик, показывая на знакомый прикид.

– А чего-то морозит с вечера.

– Так тебе, может быть, градусник нужен?

– Не. Лучше пожрать чего-нибудь, и желательнее вкусенького и тёпленького, – ответил Андрей. Они снова рассмеялись, обращая на себя внимание посетителей. – Короче Родя. Денег ни копейки, даже Слон подтвердит. За меня билет в музей брал, – начал свой диалог Андрей. – Этот Питер...

Звенел Андрюха складно и, если начинал, то надолго, долго, долго...

«Значит, мой должок мне не светит», – вздыхая подумал Панчик. «Ну что же.. С паршивой овцы хотя бы шерсти клочок».

– Как тебя откопали? Весь город в непонятках. Братва беснуется. Вчера был и вдруг, на тебе, исчез.

– Да хорошо, что так всё кончилось. Я там чуть не свихнулся. Эти деньги никому добра не принесут. Достоевский был прав.

– Гляди-ка... Прозрел. Может, в святые подашься?

– Говорил подруге, чтобы никому не звонила в Хабару. Нет, не удержалась, сестре позвонила, а та на прослушке была. Протосята дело знают.

– А с ними батька их Протас, – согласился Панчик.

– Во-во. Так и просекли меня, Родя. Пришла местная братва и спокойно говорит: «Либо ты у нас в рабах, пока не закроешь долг, либо вали в свой Хабаровск».

– Ну, а ты что?

– Мне Родина дороже. А ты бы как поступил?

– Я бы не брал того, что мне не принадлежит. А потом, если уж на то пошло, вернул их тому, кому они принадлежат.

Андрей вдруг погрузился.

– Хорошо, что питерцы по натуре народ культурный. Бить не стали. А могли вообще по почте в отдельных коробках выслать. Наши, наверное, так бы и поступили.

– Да какой с тебя навар? Одни мослы. Вон, со Слона холодец знатный выйдет.

Слон сделал вид, что слова относятся не к нему, но было заметно, что шутка ему понравилась.

– А мечи-то, серийные, а выглядят, как настоящие. Словно их на заказ делали. Смотри, даже волна от закалки на лезвии видна. Наверное, богатый япошка был. Не одну китайскую душу на тот свет отправил, – сказал Андрей, осматривая экспонаты. – Я читал, что в Найкине они порешили больше ста тысяч китайцев.

– Восток дело тонкое, – отрешённо добавил Панчик, блуждая взглядом по пространству музея.

– А может, и корейскую, – добавил Андрей.

Все рассмеялись, включая и Панчика. Андрей стал комментировать всё, что находилось вокруг, вызывая у дружок неподдельный интерес и восторг. Сказывался его истфак и предрасположенность ко всему, что было связано с войной.

– А что с твоей программой на ТВ? Кто её сейчас ведёт? – спросил Панчик, когда Андрей переводил дух.

– Забудь. Я уже давно махнул рукой. Хотя, конечно, жалко. Прикинь, тема войны и мира. Ведь человечество мирно прожило, ну пару недель или месяцев, не больше. Все боятся признать, что насилие – часть человеческого естества.

– Ты как всегда упрощаешь всё. Мне кажется, что у тебя определённый пунктик, что касаемо войны, – сказал Панчик.

– Никакой это не пунктик, и ничего я не упрощаю. Это моё видение, – обиженно ответил Андрюша. – Что, разве неизвестно, что человек генетически склонен к войне. Человек существо наполовину небесное, а наполовину земное, а значит, у него в крови есть что-то от зверя. А зверь должен за сохранение своего вида бороться. Ему на всё остальное наплевать. Поэтому нации и валят друг друга, подлянки устраивают, стравливают других, по жизни. Что, не так что ли? Ты знаешь, кто спонсировал япошек против России? Англия. Япошки с русскими друг из друга пахнет делали, а Англия в это время руками потирала, свои корабли сбывала по сходной цене. Тоже и в революцию было, да и во второй мировой войне. А что, скажешь не так? А всё потому, что в англичанах больше всего звериного гена в крови.

«Ну вот. Опять Остапа понесло».

Они ещё немного поболтали, потом побродили по залам, зашли по традиции на панораму Волочаевского сражения, где Панчик узнал для себя много нового в свете последних Андрюхиных исследований и совершенно иного представления о знаменательном событии времён Гражданской войны на Дальнем Востоке. Потом Андрейка напросился в кафешку, естественно, за чужой счёт, вместе со Слоном, разумеется. Там они на пару купили десять пирожков и чая. Себе Панчик, назло товарищам, заказал блинов, о чём потом пожалел.

– Ну, а что бы ты сделал на моём месте, Родя? Ну, вляпался я по уши в дерьмо. Бес попутал. Я питерцам так и сказал, что лукавый повёл. Я как эти чёртовы баксы увидел, так башню и снесло. А тут ещё жена детей забрала и в Данию навалила. Подруга психует: «В Питер, в Питер поехали. У меня там тётка, квартира полупустая». Чтоб я ещё хоть раз баб послушал. Я же этой карге старой на ремонт её сарая кучу бабла отвалил, а она нас, прикинь, через полгода выперла и квартирантов пустила. Пришлось на Васке хату снимать. Так всё в песок и ушло. Угораешь? Десять штук зеленью взяла и не подавилась, а потом за дверь.

– Ну а твоя голова где была?

– А хрен его знает? Вот сижу теперь и ломаю её.

Разговор с дружком не клеился и не вселял оптимизма, а подобного опыта у Панчика и у самого было хоть отбавляй. Напоследок, Андрей, как всегда, попросил тысячу рублей и, получив половину, остался довольным.

«Да и хрен с ним. Пусть сам вылезает из своего дерьма». Панчик включил мобильник, а потом отправил Слона в Некрасовку вышибать, вернее выклянчивать, старые долги. Телефон

высветил кучу звонков, и большинство от одного абонента с именем «Протосята». Он набрал номер.

– Братан, ты где прячешься? – послышался резкий грубый голос в трубке. – Пахан рвёт и мечет. Дело на лимон баксов.

– Вообще-то мне уже предлагали сегодня лимон, так что и половины хватит. Только сразу, если можно.

– Всё страдаешь фантазиями. Короче. Ходит базар, что Андрей в городе. Увидишь его – дай знать.

– Даю знать, – отрапортовал Панчик. – Только что сидел со мной в кафешке, пил чай с пирожками за мой счёт. Пятихатку занял.

– Чо, гонишь? И где он?

– Не знаю. Ушёл в неизвестном направлении, куда глаза глядят.

– Короче, – голос был немного хрипловатый, как и у хозяина, и гнусавый. – Протас ему деревянный костюм собирается заказывать. Пусть зайдёт, чтобы точные мерки снять.

– Ну зачем же такие траты? Мешок на голову и на середину Амура. Как в старые добрые времена.

В трубке возникла пауза.

– Вы вроде как дружки. Или ты опять дурака включил? Короче, Панчик. Я всё сказал. Передай этому передасту, что его кто-то очень хочет видеть.

– А при чём тут я, – продолжал валять дурака Панчик, по опыту зная, что с таким контингентом иначе нельзя. – Он и мне кучу денег должен, но я же не прошу вас, чтобы вы ему что-то передавали.

– Да чо ты мне мозги паришь! Короче всё! Звони.

«Ну, слава богу, отстал. Ох уж эти воры в законе. Свяжешься – не развяжешься». Он был рад послать всех протасят куда подальше, но где-то в пространстве реализованных сюжетов его жизни лежала расписка. Маленькая бумажка с его подписью, за которую он мог сплясать, как дрессированный медведь.

2.

Он проснулся от телефонного сигнала. Играл незнакомый номер.

«Опять что ли Слон? С чужого телефона достаёт. Вот сволочь. И не спиться же».

– Ну чего тебе опять надо от меня?

– Родя, это я, Андрюха. Извини, что поздно. Я тут у друзей зависаю, на природе. И связь приличная. Я чего звоню... У тебя случайно нет знакомых, кто бы мог квартиру сдать на время, недорого. Хоть на пару месяцев.

– И для этого ты звонишь в час ночи? – почти заорал Панчик.

– Мне даже шмотки бросить некуда.

– Брось их в мусорный бак. Там им самое и место.

– Ну, я серьёзно. Или хоть комнатёшку, – не унимался Андрей.

– Где ты, там проблемы. Даже спать не даёшь, – простонал Панчик, поднимаясь с постели. Нашарив тапки, он поплёлся в туалет, на ходу доставая сигарету.

«Утром будет нагоняй». – Ну чего тебе опять от меня надо? Ко мне нельзя. На днях тёща приезжает. Одна комната под мастерскую у Катрин, она туда вообще не пускает никого. Самому где бы отсидеться этот месяц.

– Родя послушай! Я вот что придумал...

В трубке слышались голоса развеселившейся публики, кто-то орал под гитару. Чувствовалось, что веселье в самом разгаре. – Послушай, что я тебе скажу. У меня возникла идея. Боюсь, утром всё из башки вылетит.

– Неудивительно. Ну и что за идея, зевая, спросил Панчик, понимая, что Андрей просто так звонить не будет, хоть и навеселе. К тому же, до выпивки он не был жадным и, скорее всего, просто тосковал по нормальному общению, а там просто сходили с ума.

– Ну, послушай. Думаю, ты оценишь мою фишку. Помнишь, в музее сегодня? Там ещё сабли японские были.

– И что с того? Предлагаешь грабануть витрину и стырить один из этих мечей? Скоро тебя таким же покромсают Протасята. Один уже звонил сегодня, доискивался тебя.

– Да и ладно. Ничего они мне не сделают. Неприятно, конечно, с ворьём дело иметь, но такая у меня планида. Я вот подумал. Это не телефонный разговор, давай встретимся завтра, где-нибудь в центре.

– И ты опять будешь вымогать у меня тысячу рублей.

– Да я серьёзно! Дело на лимон зеленью. Я как увидел эти сабли, сначала не сообразил, но в башке что-то щёлкнуло. Что-то подсказывало, что в них какая-то идея. Подсказка. Меня и в музей не просто так потянуло, правда, это не случайно. А вот сейчас только дошло, прикинь. Аж в дрожь бросило. Ты в курсе, сколько может стоить настоящий японский меч?

– Давай, просвети. Хотя постой! Попробую угадать. Ты уже третий за сегодня, кто предлагает лимон баксов заработать.

– Да это фигура речи. Фигурально, понимаешь. Не воспринимай всё так дословно. Дак ты представляешь стоимость такой игрушки?

– Если честно, то я не в курсе. Мне почему-то кажется, что ты паришь мне мозги, а они у меня ещё спят. В натуре, старик, я хочу спать. Завтра куча дел.

– Не ной. Разнылся, нытик. Говорю тебе, эта штука у япошек может стоить миллион долларов. А если историческая ценность, то такому мечу вообще цены нет.

– Ну, на нет и суда нет, – пробурчал Панчик, желая прекратить эти бредни и отключить телефон.

– Да погоди ты стонать. Прикинь. Япошки помешаны на своих мечах. Ну, вроде наших антикваров и собирателей марок.

– Это типа икон?

– Ну да. Андрей Рублёв. Симон Ушаков...

– Ну и что ты предлагаешь? Вытащить из витрины эти сабли? Тебе Питера мало?

– Ты что, на горшке сидишь? Что-то эхо сильное, как в туалете.

– Ну, а где же ещё. Все же нормальные люди спят. Мелкую разбужу, потом рад не буду. До утра придётся сказками отбиваться. А с тобой только на мокрое дело и тянет. Ладно, я всё понял. Давай до завтра потерпи, позвони ближе к обеду. Что с тобой поделывать. Только номер сотри, не забудь.

Они встретились на утёсе. В городе было немало мест, куда можно было легко и быстро добраться, но все эти центры пересечений невидимых траекторий утомляли суетой и шумом. Здесь же, на высоком берегу, где всегда было ветрено и прохладно, было безлюдно, словно кто-то специально своей невидимой рукой отводил сторонних зевак, создавая благоприятные условия для встреч. От бесконечного амурского простора всегда было много света, можно было часами бродить вдоль берега, любоваться грандиозной панорамой дальних сопкок Хекцира. Скользить глазами по водной глади реки и наблюдать за дрейфующими по ней белыми пароходами.

Андрей не опоздал и, как всегда, начал с городских криминальных новостей. Было чувство, что они находили его сами, словно его мозг излучал специальные сигналы.

– Прикинь, у чувака ночью с машины сняли зеркала, он пошёл на рынок, а там их уже продают.

– И что потом?

– Пришлось ему покупать свои зеркала. Как тебе такая история? – не умолкая повествовал старый друг. – Приятель за хлебом пошёл, а дом не запер. Приходит, холодильника нет, телевизора нет. Пять минут, квартира пустая.

– Грустно, вернее весело. Откуда ты всё это нагрёб? Недели не прожил в городе. Без тебя было так спокойно, пришёл ты и нагрузил полный кузов.

– Ну ты же меня знаешь, – рассмеялся Андрей. – На меня вся грязь липнет, а такие, как ты, благодаря мне остаются чистенькими.

– Только не переворачивай всё с ног на голову. Нашёл тоже чистенького.

– Хочешь, рассказик прочитаю? Сегодня перед утром проснулся и вижу реальный сюжет. Не поленился, встал и записал его кратенько. Забавный.

Не дожидаясь разрешения, Андрей без листочка начал по памяти, но довольно складно излагать содержание своего нового опуса.

– Называется «Святочный рассказ».

«А вот ещё со мной случай был, как-то зимой», – сказал Митрич и, устроившись поудобнее на табуретке у печки, принялся рассказывать:

Холодно было в ту зиму жутко. Стою я на остановке. Народ в кучу сбился, прям как пингвины. Стоим – ждём. Долго ждём. Но автобус всё-таки пришёл. Как водится, здоровые сибирские мужики отшвырнули прочь всех старушек, матерей с детьми и хлипких интеллигентов. Но в общем те тоже сели. Поехали. На задней площадке, около самых дверей, стоял здоровый такой дядька с не по-нашему добрым лицом и в дорогой собольей шапке. И вроде тоже похож по всем приметам на здорового сибирского мужика, однако сел одним из последних, всё пропускал всех, даже подсаживал. После него только парнишка молодой втиснулся. Шустрый такой, всё с шутками-прибаутками, а сам по сторонам глазами так и шныряет. Остановка. Двери нараспашку – народ повалил. И вроде все уже вышли, кому надо. Вот-вот двери закроются. И тут парнишка этот, шустрый который, хватъ шапку-то соболью с мужика и шмыг в дверь! Двери хлоп – и пошёл автобус. А дядька этот, под шапкой, лысый совсем, так и стоит. Хоть бы слово сказал! Молчит да лыбится. Тут жалко его стало совсем. Даже смотреть на его лысину голую и то холодно. А больше всех бабка одна жалеть стала. Непонятно даже, чего больше жалела, толи мужика этого, толи шапку его. Как завела шарманку свою, видать профессионалка была: «Ой, как же ты сиротинушка без шапки-то? И как же ты, родимый, на улицу пойдёшь? Ой и прохватит тебя, горемычного, лютый мороз! И помрёшь ты, кормилец, от минингиту проклятова-а-а». Так всех достала! Будто на похороны мы все в этом автобусе едем. Стали на бабку шикать со всех сторон. А мужик знай себе стоит-едет да улыбается. Ну тут всё ясно всем – шизик! Богатый шизик. Был, видать, умный, на шапку заработал. А теперь вот съехала крыша от дум непосильных, да и шапку спёрли. Смотрят на него все – жалеют. Тут одна женщина шарф ему протягивает: «Возьми, -говорит, – хоть это, а то больно даже на голову вашу смотреть!» А мужик тот разулыбался ещё больше. «Спасибо, – говорит, – вам. Только не надо мне. У меня сейчас новая шапка на голове вырастет». Посмотрела на него женщина и заплакала. Видать, у самой мужик или кто из родни такой же шизик. Вот и жалко ей до нестерпимости. И тут! Вдруг! Смотрят все, а у мужика на голове и впрямь растёт что-то. Пригляделись. А оно быстро так растёт, и вроде как нитки шёлковые. Сначала одни нитки росли, этак сантиметров на пять, а потом на них шляпки образовались, как на грибках, и слились в одно. Глядь, а это прокладка шёлковая. И даже клеймо фабрики виднеется. А сквозь неё уже другие волоски лезут, потолще и будто кожаные. А потом такая же история, со шляпками. И вот, уже кожаный верх вырос над прокладкой. А уж на коже и ворс появился. Дорос до своей длины, да такой густой и пушистый – прямо лоснится весь и блестит. А последними шнурки выросли и повисли по бокам, как положено. А шапка уже другая получилась, не соболья. Мужик улыбается и говорит, негромко так, а на весь автобус слышно: «Это чернобурый песец. Я о нём думал, когда шапку растил». Народ так и ахнул! Кто смеётся, кто крестится. А один мужик так

испугался, проситься наружу стал. Бьётся об дверь, чисто воробушек об окно, кричит, значит, водиле: «Открой дверь, твою мать! Выпусти, так тебя и растак!» Выпустили его. Тут к мужику чудесному притёрся один, в дублёнке, с барсеткой под мышкой и в сторонку его, в сторонку тянет. «Давай, – говорит, братан, с тобой поработаем. Я, – говорит, – лёд эскимосам могу толкнуть, а не то что классный товар. Меня на барохолке «Золотой язык» зовут. Только мужик отмахнулся от него сразу и говорит: «Нельзя мне. А почему – расскажу сейчас». Вот и объясняет, а все затаились, глаза и даже рты некоторые граждане поразинули – слушают. «Работал я, – начал он рассказывать, – всю свою сознательную жизнь токарем на заводе и всё мечтал себе хорошую шапку сделать. Да не было их раньше нигде. А если были, – то денег не хватало. Детишки подросли. Одеть-обуть, накормить надо. Так и ходил в кроличьей. И тут случилось мне как-то заболеть страшно. Думал – помру. Три недели пластом лежал. А когда оклемался малость – опять беда. Все волосы на голове выпали. Стеснялся я сильно. Мужики на работе ржут. Даже парик пробовал носить – смех один. А о шапке дорогой ещё сильнее задумываться стал. Вот лежу как-то вечером перед телевизором и о шапке думаю. И тут вдруг чувствую – зачесалась голова. Потянулся почесать, а там нитки растут. Ну вы сами уже видели, как это происходит. Вот и выросла норковая шапка. Жена обрадовалась. Говорит мне: «Теперь заживём! Давай не скажем никому. Будем шапки растить и продавать». И стал я шапки выращивать в полной тайне, а жена с работы уволилась – и с утра на рынок. Только прошла неделя – дома «дым коромыслом» – всего навалом! А мне не в радость. И голова так болеть стала – думал, помру теперь точно! Ан нет! Смекнул я, что нельзя нам шапки продавать! Вот теперь так отдаю. Ну само собой – все родные и друзья – в соболях-горностаях. И вообще, всем отдаю, кто понравится. И от этого даже чувствую себя лучше. Хоть и лысый, а все знакомые говорят, что шибко помолодел я в последнее время. И впрямь – мужик красивый был, хоть и лысый. Кожа чистая, блестит. Зубы белые. Глаза изнутри так добром и теплом светятся! И вроде как всем тепло от него и радостно стало. Снял он с головы черную шапку свою и той женщине, что шарф ему давала, протягивает. Говорит с улыбкой: «Возьмите, мол, за доброту Вашу ко мне». А она испугалась – отпрянула от него. Весь народ ей в один голос: «Бери, дурра, пока дают!» А она зарделась вся и молчит. Но только видно, что не возьмёт она. А мужик тут ей говорит: «Возьмите не себе, братику вашему. Она ему впору будет. И может, полегчает ему немного от неё.» А она как зыркнет на него глазами: «Откуда, мол, про моего брата тебе известно?» А мужик только улыбнулся грустно так: «В глазах, говорит, твоих прочитал это». Взяла шапку женщина, к груди прижала и вышла на остановке. А мужик ещё несколько остановок проехал и за это время другую себе вырастил, да только почему-то старую, кроличью. В ней и вышел».

Андрей перестал говорить. Возникла неловкая пауза. Панчик глупо улыбался и тоже молчал. Было чувство, что он где-то был и вот вернулся. Не было холодной зимы, полных автобусов с разномастной толпой, но был Андрей, немного смущённый, но довольный неизвестно чему.

Зная давно своего дружка, он вдруг почувствовал, насколько они разные и насколько непохожи их отношения к жизни: его приземлённость и тяга к материальному и Андрейкины фантазии и склонность к альтруизму. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что писателем он никогда не станет, но то, что он мог выхватить из реальности или даже нереальности нечто невообразимое, и удивить этим публику, делало его человеком не только незаурядным, но и уязвимым. От чего, собственно, и происходили все его беды. Андрей был мастером на подобные повествования, иногда нелепые по форме, но точные и интересные по содержанию. Но все они, в лучшем случае, оседали в ящике стола, а чаще мусорной корзине. Или в голове, как у Панчика, превращаясь в живую историю. То же самое было и со стихами, которые он раздаривал всем знакомым, а через неделю забывал. Хвастал, что давно бы издал сборник, который бы потряс всю хабаровскую богему, но без денег и пиара это дело не стоит и гроша. Клянчил при случае одну-две тысячи и пропадавал. Так он завёл сотни ожидающих своей доли от гонорара. Но такого не могло произойти никогда, и Панчику искренне было обидно за дружка.

– Старик, ты гений. Я в шоке, – наконец-то выдавил из себя Панчик. – Ладно, давай о деле, а то дел по горло.

– Ну это уже слишком, батенька. Так с родным языком обращаться нельзя, – съязвил Андрей, но перешёл к делу.

– Дело вот в чём, – произнёс он, и они оба рассмеялись. – Короче. Когда я в Питере отсиживался, вернее, гнил, и от скуки пару раз наведывался в Москву. Там в Подмосковье у меня дружбан по институту живёт. Прикинь, у него там хата, летом прохладно, рядом Волга течёт, и Москва под боком. Живёт себе, хлеб жуёт, нормально устроился, между прочим. Он там в школе черчение преподаёт.

Панчик начал позёвывать, на что Андрей даже не повёлся.

...– Он в своё время ножи для охоты делал, неплохие, а тут разговор про оружие зашёл. Я ему говорю, мол, нехило сделать ритуальный меч и сотворить хакакири одному кагебешнику. Ну ты в курсе, про кого я.

– Ну и...

– А вместе с ним и всем остальным из этой своры бездельников. Хотя всем остальным я бы просто отрезал одно место обычными ножницами по металлу. А он говорит: «Нет, Андрюха. Для таких дел нужен особый меч, а не ширпотреб. С заклинаниями». В общем, мы поржали славно. А потом он давай мне целую историю рассказывать, как его бывший одноклассник, когда в музее нашем работал в охране...

– Это где мы вчера были? – перебил Панчик.

– Нет. Там, где картины висят. Где Шишкин и всё такое. Так вот, он говорил, что в запасниках, где-то в подвале, валяется, представляешь себе, в пыли, во всяком хламе, настоящий самурайский меч. Прикинь, не тот, что мы видели под стеклом, серийная штамповка, а натуральный катан, выкованный хрен знает когда и кем. С молитвами, ритуалами. С именем и всякими прибабасами. Древний, которому не одна сотня лет.

– Катан – это меч по-японски, я правильно понял?

– Ты правильно понял, хотя они подразделяются, но это всё равно. Прикинь. Он даже мог спокойно присвоить его, домой после работы прихватить, и никто бы этого не заметил. Но потом забздел. Он узнал, сколько может стоять такая штукавина, и съехал с этой темы, но никому об этом не говорил, пока не уволился. Это же с мафией пришлось бы связываться. Ну, в общем, не тебе рассказывать, чего это стоит. Я вот с Протасом связался, теперь локти кусаю. А потом, он же бывший мент.

– Ну, где псарня там и мусарня, – возразил Панчик.

– Нет, друган говорил, что это честный мент, – очень серьёзно возразил Андрей. Они расхохотались.

– А я его, кажется, знаю. Такой скулатый. Он гаишником работал. И денег, кстати, не брал. Но лучше бы брал.

– Ну ты слушай дальше. Этот мой дружбан, ты, кстати, с его родным брательником в фазанке на дальдизеле учился...

– Не наматывай, Андрюха, ты отвлёкся.

– Ну да. В общем, когда о мече заговорили, он как раз книгу одну перечитывал, «Фрегат Паллада». Ты не читал? Напрасно. Советую. Её Гончаров написал, он на этом фрегате ходил в Японию, заключать первое мирное соглашение. Там им япошки мозги парили целых три месяца. У них тогда был закон «Закрытых дверей». Кто чужой к ним попадал – того в тюрьму. А если свои терпели бедствие, например, в России, то наши их уже не пускали обратно. А тем, кто всё-таки возвращался в Японию, тем тупо рубили головы.

– Круто.

– Не то слово. Ну короче, нашим это не нравилось, поэтому они и снарядили эту экспедицию. Потом японцы всё-таки согласились, деваться-то некуда, и подписали договор о мире.

А после этого, сам понимаешь, начали одаривать друг друга. Так вот. Здесь самое интересное. Представляешь, япошки подарили нашим настоящий меч. Хотя у них по законам этого вообще нельзя было делать. Они же секреты закалки знали.

– А бывают ненастоящие мечи? – неподдельно удивился Панчик.

– Ты, Родя, неправильно понял. Дело в том, что японцы не дарили никому две вещи: свой шёлк и мечи. Прикинь, шёлк делали на закрытом острове, куда никого не пускали, только привозили жратву и сырьё. За мечи тоже карали по полной. В истории это, наверное, единственный случай, во всяком случае, при той политике. Понимаешь?

– Понимаю, продолжай.

– Слушай, ты испортился, пока меня небыло. Ты как робот. Впрочем, продолжаю. А чего, собственно, продолжать? Представь. Нашим баранам меч подарили, настоящий, который выковывали целый год. Который разрежет лебединое перо на лету.

– Ну, положим, не баранам. Царь баранов не пошлёт, я думаю. Гончаров тоже по-твоему...

– Это я так, к слову.

– Фигура речи? – иронично вставил Панчик.

– Типа того. Но один хрен. Думаешь, кто понимает сегодня в этом? Нашим ведь тоже в древности секрет булатной стали был известен. И что с ним стало? Всё похерили.

– Но мент, о котором ты сказал, он же разобрался и съехал.

– Да он перестраховщик по жизни! Пойми, что для японца меч это святое. Нашим Ванькам этого не понять, как не пыжься.

– Да ты, батенька, русофобом стал. Тебе валить пора куда-нибудь!

– А я и собираюсь, в Гренландию. Чтобы не видеть этой вонючей политики и криминала.

– Боюсь, что она там сразу появится. Ладно. Что мы имеем? Один в подвале нашего музея, а второй на фрегате «Паллада». Я правильно понял? Или я что-то недопонимаю? Один в хабаровском музее, другой где-нибудь в Питере или Москве.

– Всё не так, как ты думаешь, Родя. Если бы ты читал эту книгу или хотя бы немного знал нашу историю, то твои выводы были бы другими.

– Ты, выходит, знаешь, – уязвлённо заметил Панчик. – Хотя что я говорю. Извини, брат. Погорячился.

Они опять посмеялись, отвлекаясь на хорошую погоду, проходящих мимо молодых девушек. Свежий ветер колыхал их тонкие лёгкие платья, выдавая упругость стройных тел, было прохладно и солнечно, как в далёком детстве. Люди останавливались и подолгу смотрели вдаль, вероятно, в поисках того, что когда-то первый раз открывалось им на этом самом месте.

– Понимаешь, – продолжил Андрей. – У них было два одинаковых фрегата, которые, кстати, для России сделали на английских верфях. Прикинь, сами не делали, а за наши деньги покупали.

– Ну и что? Что тебя возмущает? Может, у царя в Англии родственники были. Он с них откат получил за это. Не вижу ничего криминального. Кто-то строит, кто-то плавает. А кто-то состояние делает на этом. По-моему, всё справедливо.

– Ты окончательно испортился, Родя. Фишка в том, что в древности, кроме русских, по океанам никто не плавал. Все вдоль берега барахтались, каботажили. А наши предки, куда хотели. А значит, и суда соответствующего типа могли делать только они.

– Времена меняются.

– Ну да ладно, может, ты и прав. Слушай дальше. Один фрегат называли «Паллада», а другой «Диана». Так звали древнегреческих богинь.

– А своих, значит, не нашлось? Что, у русских своих богинь не было на тот момент? – удивился Панчик.

– Ну разве что Баба Яга. Вообще-то ты заметил правильно. Это же век просвещения был. Тогда все русофобией болели, наслаждались Древней Грецией, Гомером. Царь немец на половину, жена тоже непонятно откуда, кажется, из Англии.

– Ну, а ты говоришь. Семейный бизнес.

– Теперь самое интересное. Слушай и не перебивай. Как только подписали договор, «Паллада» на радостях пошла в Китай за харчами, потому что им ещё обратно надо было плыть, а «Диана» осталась в Нагасаки, доделывать формальности. И попала в цунами.

– А книжка же есть. Я читал. Я даже автора помню. Задорнов, – довольный собой перебил Панчик.

– Ну, вот видишь. А говоришь, что историю не знаешь. Родя, ты не последний человек на этой земле.

– Ну и дальше? Ты, братан, заинтересовал меня. Даже не терпится узнать, как там наши матросы.

– «Диана» развалилась на части, потому что её поколотило в самой бухте. Правда, команда уцелела и сошла на берег. В это время у нас началась Крымская война. Её, кстати, Англия развязала.

– Это как в сценарии фильма? Двойной сюжет...

– Да не перебивай ты! Нормальный сюжет. Короче, наши оказались в состоянии войны со всеми, кто был рядом. В Китае же полно англичан было. Они бы не пропустили наших обратно. Пришлось «Палладу» разобрать на дрова.

– Кто бы мог подумать. Слушай, это обидно. Покупали за валюту, и на дрова. На наш БАМ ходит.

– В том-то и дело. Дальше было так...

Андрей покосился на друга, ожидая очередного подвоха, но Панчик не встревал, и вёл себя пристойно.

– Ну, в общих штрихах... Те, кто на «Палладе» были, добирались на попутках. А с «Дианы», те построили себе небольшую посудину в японской бухте и на ней добрались до устья Амура. Там же наши казаки обживались. Переселенцы с России. А... Слушай фишку. Тогда большая напряжёнка с бабами была. А без них никуда, сам понимаешь.

– Мне кажется, ты уходишь от темы. Только не говори что я не прав.

– Да не будь ты таким педантом, Родя. Ты стал прогматиком. Тебе что, история родного края неинтересна? Никуда я от темы не уйду. Я её расширю, чтобы создать атмосферу реальности. Взгляни сверху на всю картину. Прикинь, баб своих не хватало, так они что придумали? Из Аляски индейнок на кораблях привезли. Представь, идут по Амуру баржи, а в них натуральные индейки.

– Да, пожалуй, ты прав. Атмосфера появляется. Мои предки тоже на барже прикатили.

– А я что говорю. Их же в Хабаровск привезли, а потом по жребии разбирали. Так они же сами, по своему желанию, в Россию ехали. Аляска-то русская была. Так что по Хабаровску индейская кровь похаживает. Я лично одного кадра знаю, у него прапрабабка настоящая индейка.

– А Хабаровск был? Ну, когда этот, Гончаров проплывал.

– Нет, Хабаровска потом построили. Тогда и индейнок привезли. Уже были посты по всему Амуру, станицы казачьи. Разумеется, пост Николаевск был. Всё было. Всё, забудь про индейнок. Ну и вот. Пришлось нашим матросам по Амуру батюшке против течения грести. Сначала-то на пароходке, пока глубина позволяла, а потом на вёсельках, самим выгребать. Куча народа перемёрла. А сам Гончаров с важным письмом на перекладных добирался. Через Якутск, Иркутск. Кстати, ему больше всех повезло. Попутешествовал в удовольствие. Мне бы так.

– Типа автостопом?

– Ну да. А то каждый день одно и то же. Тоска.

– Ну и где твой обещанный секач?

– В музее меч, Родя. Это мой дружбан сразу сказал. А другой там откуда возьмётся? Его могли оставить в Николаевске или где-нибудь по дороге. А потом забыли. Война, революции. Всем не до какого-то там меча.

– Так оставили или могли оставить?

– Ну не будь ты таким сухим прагматиком, Родя. В любой истории должна быть маленькая интрига, тайна, что ли. Конечно, я не могу наверняка сказать, что это тот самый меч, но что это меняет? Самое главное, что он есть, он реально существует. Давай просто условимся, допустим идею, поверим, что ли. Решим окончательно, что это именно тот меч. И тогда можно смело действовать и не сомневаться. Понимаешь, легенда тем и хороша, что из неё можно черпать энергию. В ней столько времени накопилось, людей, событий. Ты не представляешь, как люди любят верить в легенды. Мне иногда даже кажется, что легенды могут оживать, материализоваться. Вот ты будешь толкать кому-нибудь ржавый меч на базаре и говорить, что им рубился Александр Невский, и все будут с тебя угорать, и проходить мимо, потому что им это не интересно. А потом кто-то по ящику увидит, что у Невского в сражении потерялся меч, и он упадёт на фишку, потому что мозг так устроен, и он обязательно клюнет, и купит твою железяку. Потом он будет другим вешать лапшу на уши, и всё больше верить в то, что это действительно меч Невского. И меч реально станет обладать какой-то магической силой. Это я тебе гарантирую. Это закон магического перевоплощения. Если япошки услышат, что это меч был подарен самим микадо, они из кожи вылезут, но сделают всё, чтобы увидеть его. А кто-то реально подумает занять его.

– В твоих словах есть логика.

– Логика не правда. Дело в том, что такой вещи не место в нашем музее. Будь уверен, его дорога в Москву. Рано или поздно о нём узнают и попросят. У нас любят на горяченькие пирожки сбегаться. Его надо сейчас брать, иначе будет поздно. Не мы, так другие узнают и обязательно умыкнут его. Шила в мешке не утаишь. Ты представь, что это тот самый меч. Его же сам микадо в руках держал. Совершал ритуальные действия. Лично целовал. Этому мечу цены нет. Японцы об этом узнают, будут на брюхе ползать и просить. За любые деньги.

– Ну вот. А ты его хочешь загнать за паршивые баксы. Нелогично и неэтично с твоей стороны. Ведь ты же историк.

– Был историк, да весь вышел. Я человек, на которого всем наплевать в нашем государстве. Ты, разумеется, не в счёт. И мне надо сохранить свой биологический вид любым способом. Ладно. Это я так. К слову.

– Ты сам-то этот меч видел? – спросил Панчик.

– В том-то и дело, что видел. Я вчера и вспомнил об этом, потому что разговор о Витьке зашёл. Он же спец по холодному оружию, мы с ним программу вели на пару. Я тогда ничего не знал, а фотку я у Витька дома увидел. Он хотел съехать с базара. Я тогда спросил, сколько такой меч может стоить, он отмычался, дескать, не в курсе. А он же в музее ошивался одно время. Я вчера прикинул, всё сходится. Меч реальный, и лежит он где-то в подвале, вернее, валяется, потому что у нас по-другому к таким вещам относиться не умеют. Прикинь. Лимон валяется на полу, все ходят мимо, запинаятся, и всем до лампочки. Только у русских может быть такое отношение к историческим и культурным ценностям.

– А ты бы подобрал, разумеется.

– Ну конечно. Спрашиваешь. Долги бы всем раздал.

– Боюсь, не хватит.

– Да хотя бы половину. Чувствую, что эти псы загрызут меня за эти деньги.

– Или на цепь посадят.

– Никогда такого не будет.

– Опять меня втянуть в авантюру хочешь?

– Да нормальная фишка, Родя. Авантюра, это когда чужой бабе через балкон в постель лезешь. Главное не бздеть, как говорит мой друган. Жизнь должна приносить свежие эмоции, иначе застои и простатит. Я же не предлагаю тебе Албазинскую икону тырить из нашего храма, и америкосам толкать. Те в них ни бум-бум, но всё равно купят. Им бы только ограбить нас за свои фальшивые баксы. С ними я за любые деньги даже за один стол не сяду. У них ничего святого нет. Только деньги. А японцы чтят своих богов и традиции. Меч японский. Вот пусть у них и остаётся. А не мы, так другие приберут его к рукам. Такие, как Протас, например. Подъедут на танке, выломают стену. Им по барабану все менты и охрана.

– И что ты им сказал про меч? – перебил вдруг Панчик.

– За кого ты меня принимаешь? Мне, конечно, деньги нужны, но чтобы ходить и продавать идею... Или ты думаешь, что они мне спишут эти бабки?

– Морду они тебе точно расквасят.

– Было бы неплохо, если бы этим закончилось. Но так не бывает. Значит, фишка не понравилась? Жаль. Япошки эти вещи хавают без приправы. А для русских, поверь, это просто кусок железа. Не удивлюсь, если из него рано или поздно ножом поделают. Так у нас в Забайкалье с казацкими шашками поступали. Отбирали у людей прямо в домах – и на ножи. У моего деда тоже была шашка. От прадеда осталась. Ну, и что ты думаешь? Пришли с обыском человек десять и отобрали. Они по всей деревне шмон устроили. Некоторые сообразили, успели спрятать. А кто-то не успел. Ты не представляешь, что в Чите творилось. Да и здесь, на Амуре. Вас, корейцев, только против шерсти погладили, а моих, казачню, всю под корень извели.

– Как же тебе удалось выжить? – не скрывая удивления, спросил Панчик, чувствуя некую ущемлённость от того, что корейцев всего лишь погладили против шерсти. Взгляд его блуждал по дымчатому горизонту, но мысли по-прежнему были заняты новой темой. Однако, наступало время полуденного зноя. Стоять на одном месте Панчику надоело, да и дела тянули вперёд. Несколько раз звонили, но он не отвечал.

– А что я? Вот как есть, голодранец, и всем должен, даже тебе. Кстати, не одолжишь пару тысяч? Я квартиру снял, однушку. Бывшая обещала детей на лето привезти, а куда я их дену без своего угла?

– Твои дела, тебе и решать, – сухо сказал Панчик. – Сейчас нет, давай потом поговорим, – соврал он стараясь не глядеть на приятеля.

Они сухо расстались, бросив друг на друга растерянные взгляды. На какое-то мгновение Панчику стало жаль друга, и даже, стыдно за враньё, захотелось догнать его и дать эти несчастные две тысячи. Но он прекрасно знал, что это не решит проблем Андрея, потому что так он был устроен. Было время когда сорил налево и направо не задумываясь, что другие так не могут. Колотил машины почём зря. Даже умудрялся с завязанными глазами через перекрёсток проскакивать на скорости сто километров. Уходил в канаву и даже не доставал оттуда помятую машину. Вёл себя как золотой мальчик. Куда что девалось от прежнего Андрюши? Теперь вот задумался, а что толку. Потерявши голову, о волосах не плачут.

Потом была куча звонков, от которых села батарея, и его телефон вот-вот готов был отключиться. «Ох уж этот телефон! И кто его изобрёл? Руки бы оторвать тому, кто всё это придумал».

Номер был засекреченным, но Панчик почему-то догадывался, кто мог звонить с такого номера. Он постарался как можно больше расслабиться, хотя понимал, что через две-три фразы все его потуги выглядеть крутым мачо превратятся в труху.

– Аллю? – лениво спросил он.

– Здравствуй, дорогой. Почему не отвечаешь? Звоню – не берут. Что случилось? Может, у тебя проблемы, так скажи. Я помогу.

– Голос был тягучим, как смола, переходящим на сип. Панчик сразу увидел перед собой бритую голову с выпученными глазами и толстыми губами. Этаким Муссолини без волос. Это звонил Протас. Вор в законе и местный авторитет, общение с которым делало жизнь игрой в кошки-мышки. Кто был кем, становилось понятно уже через минуту общения.

– Дома телефон забыл. Вот пришлось вернуться, – соврал Панчик, потому что говорить правду, это значит оправдываться.

В трубке посмеялись.

– Ты всё не можешь вылечить от детской болезни?

– Зачем звонишь – время на меня тратишь? – спросил Панчик, понимая прекрасно тему разговора.

– А ты не догадываешься? Сегодня тебя видели с Андроном. А все говорят, что я вор. Вон кто вор. Я его целый год выпасывал. Хотелось бы посмотреть в глаза этому салитёру. Где он сейчас? Дай мне его телефон или адрес.

Панчик, как мог, объяснил, что дела Андрея его не касаются, а телефона у того нет и вряд ли будет, потому что он гол как сокол.

– Ничего. Мы и сдохлой коровы шкуру снимем и китайцам продадим – ответил Протас и посмеялся. – Ладно. Хрен с вами. Ты мне нужен. Пора, как говорится, звать друзей. Накрывать стол. Что, братан? Я бы не против, посидеть где-нибудь. Например, в «Саппоро», или «Интуристе». А можно и в китайском. Там жарка тоже ничего. Вы же восточные люди, любите всё острое. Может, лапы медвежьих закажем? Или суп из черепахи.

– На лапы я не заработал, – отшутился Панчик. Борщ вкуснее. Давай в интур, там привычнее? Да и музон человечнее.

Панчику ничего не оставалось, как склонить голову и угощать. Этим звонком Протас напоминал, что год назад кое-кто спустил в казино кучу денег, а потом полез в долги прямо там же, и взял у Протаса под расписку ещё столько же и опять продул. А в расписке заложил половину своей квартиры. Что на него тогда нашло, сказать было трудно, словно его кто-то зомбирова́л. Он просто не владел собой при виде колоды карт, и даже сейчас вздрагивал, вспоминая это событие. Слава богу, неизвестно откуда появился Слон. Должно быть, кто-то позвонил ему, что его напарник сходит с ума и профукивает последнюю недвижимость. Чтобы Панчик не возмущался, Слон слегка стукнул его по лбу, а потом сгрёб бесцеремонно в охапку и вынес из казино вместе с картами, закинул кричащего, в багажник и увёз далеко за город, на какую-то грунтовку, где никогда никто не бывает. Там он его бросил и уехал. Длинный путь обратно и облако комаров отрезвили Панчика и, кажется, вылечили, но расписку не вернули. Деньги он заработал быстро, но Протас их не брал и предлагал переселиться в хрущобу или выплачивать за его законную половину аренду.

Ещё с юности Панчик знал, что брать займы нехорошо, а у бандитов – тем более. Ну а писать расписки – вообще опасно для жизни. Но теперь все эти угрызения не имели смысла.

– Ну что, Панчик. Значит в интур? А то у меня что-то в горле першит и нос чешется.

– Вообще-то я с выпивкой завязал. Тебе со мной скучно будет, – старался не сдаваться Панчик. – Но я не против, давай посидим, – выдавил из себя Панчик, чувствуя как его ухо начинает нагреваться от телефона. На том конце опять послышался сдавленный смех, от которого забегали мурашки.

– А ты молоток! Не падаешь духом. И не клянчишь, чтобы тебя пожалели. Ты, наверное, думаешь, что я всю жизнь буду из тебя кровь пить? Так все думают, я знаю. Мне не кровь нужна твоя. Мне нужно, чтобы вы все наконец-то поумнели и почувствовали ответственность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.